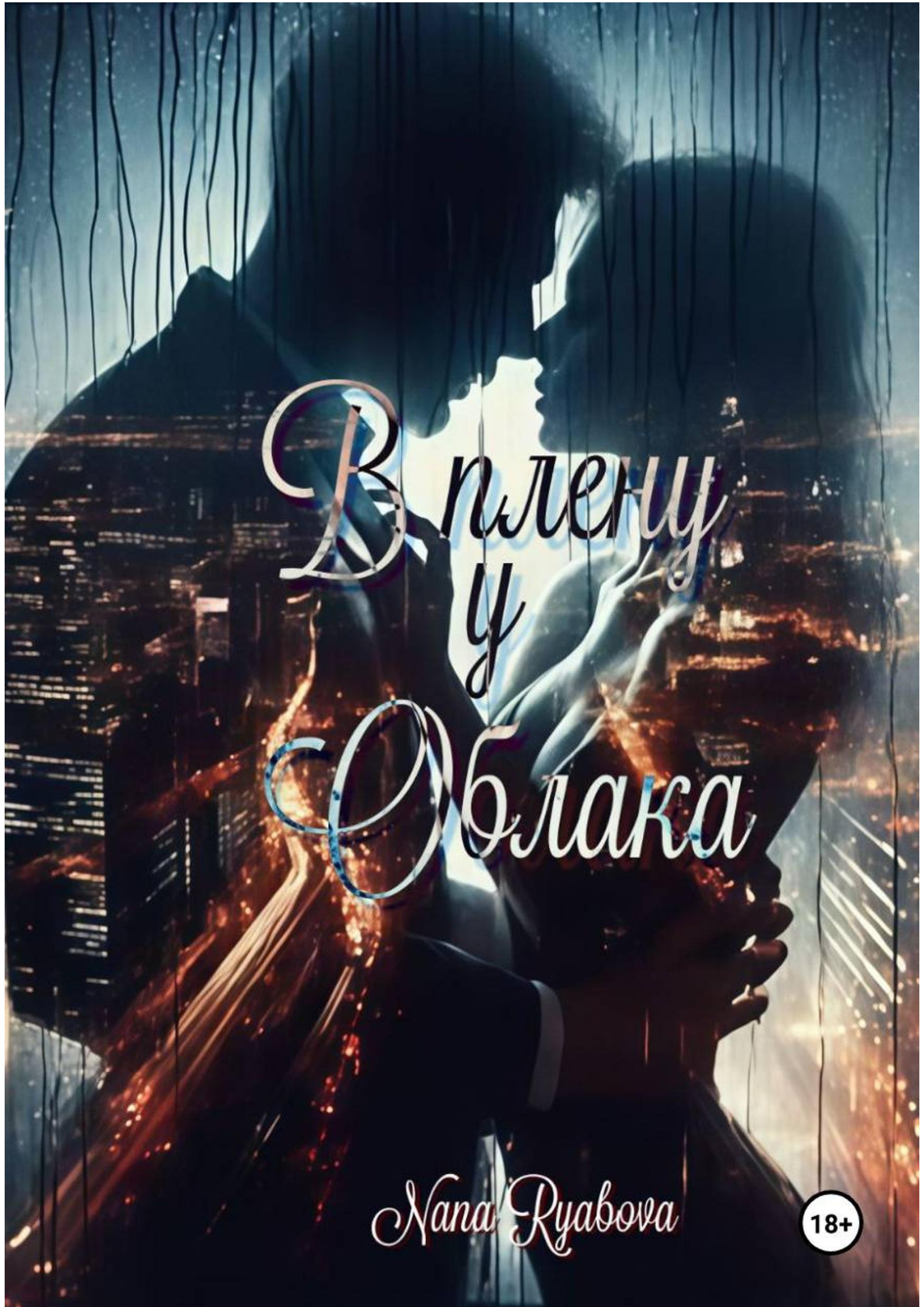

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing on a rainy night. The scene is viewed through a window with vertical rain streaks. In the background, a city skyline is visible with lights reflecting on the wet surface. The overall mood is intimate and romantic.

В плену у Облака

Nana Ryabova

18+

Nana Ryabova

В плену у Облака

«Автор»

2026

Ryabova N.

В плену у Облака / N. Ryabova — «Автор», 2026

ОНА СТАЛА ЕГО САМОЙ ЦЕННОЙ ДОБЫЧЕЙ. ОН ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБОВЬЮ, СПОСОБНОЙ ЕЕ УНИЧТОЖИТЬ. Алиса попадает в поле зрения Арсения Волкова по прозвищу Облако криминального авторитета, чье имя бояться произносить вслух. Ее ждет тюрьма. Но Арсений предлагает сделку, от которой невозможно отказать: ее свобода в обмен на полное подчинение. Он хочет не просто тело. Он хочет ее ум, ее волю, ее душу. Он делает ее своим оружием в мире, где цена ошибки смерть. От холодной роскоши московских пентхаусов до душных трущоб Рио-де-Жанейро, от волны унижительной страсти до ледящего кровь мщения их связь становится опаснее любой войны. Ненависть перерастает в одержимость, боль в наслаждение, а плен в союз двух темных половинок, готовых сжечь весь мир, чтобы править его пеплом. В плену у Облака это головокружительная смесь жесткой эротики, интеллектуального триллера и романтики на грани пропасти. Книга для тех, кто не боится заглянуть в бездну страсти.

© Ryabova N., 2026

© Автор, 2026

Nana Ryabova

В плену у Облака

Пролог

Дождь обрушился на Москву не слепым, покорным ливнем, а яростным, пронзительным набатом. Он не омывал, а скоблил асфальт стальными прутьями, смывая в канализационные жерла окурки одного дня, чтобы освободить место для грехов ночи. Город под ним был не просто сияющим – он был живым, дышащим хищником. Миллиарды холодных, бездушных огней – от ядовито-неоновых вывесок до призрачного свечения окон небоскребов Москва-Сити – не горели, а *прицеливались*. Каждый огонек был чьей-то амбицией, отточенной как бритва, чьей-то потерей, горькой на вкус дешевого виски, чьим-то расчетливым ударом в спину. В этом каменном лесу, где сталь и стекло заменяли кору и листву, среди воронок чужих желаний, пряталась она.

Ее звали Анна Миронова. Имя лежало на языке чужим, пахло типографской краской и страхом. Фальшивый паспорт был липким от пота в ее сжатых пальцах – тонких, длинных пальцах пианистки, которые когда-то касались не клавиш, а дорогой бумаги контрактов, а теперь лишь дрожали, обвивая стакан с дешевым виски. Ее настоящее имя – Алиса Соколова – стало клеймом, выжженным каленым железом на биографии. Оно пахло дорогим, удушающим амбре парфюма «Egoiste» ее бывшего босса, Леонида, смешанным с едким дымом сгоревших иллюзий и сладковатым, предательским ароматом его сигар. Она не была закоренелой преступницей – нет, она была пешкой, которую по глупости и наивной жажде признания выставили не на ту клетку. Пешкой, которую теперь с одинаковым рвением разыскивали и полиция с их казенными протоколами, и свои же – те, чьи улыбки она когда-то считала дружескими, а глаза – честными.

Она стояла у запотевшего окна своей съемной конуры в панельной многоэтажке на окраине, глядя, как по грязному стеклу стекают ручьи, словно слезы самого города. Отражение в стекле было призрачным, размытым двойником: бледное, почти прозрачное лицо с резко очерченными скулами, на которых затаилась тень былой аристократичности. Слишком большие глаза цвета штормового моря, под которыми залегли глубокие, фиолетовые тени бессонных ночей и непролитых слез. В них плескался не просто страх, а целая вселенная отчаяния. Светлые, цвета спелой пшеницы, волосы, которые он когда-то любил распускать по плечам, теперь были собраны в небрежный, сбитый хвост. Она покрасила их в горький шоколад, но светлые, словно обнажающие душу, корни уже проступали, как упрямая правда, которую не скроешь ни под какой маской. Ее тело, когда-то ухоженное, привыкшее к ласке итальянского шелка и строгому крою дорогих костюмов, которое Леонид с таким наслаждением изучал своими влажными, тяжелыми взглядами, теперь пряталось в бесформенном сером трикотаже, пропахшем чужим, агрессивно-дешевым стиральным порошком.

Алиса провела кончиками холодных пальцев по мокрому стеклу, оставляя на нем короткие борозды. Всего год назад она восседала в своем стерильном, стеклянном кабинете на двадцатом этаже, с головокружительным видом на башни Сити. Ее будущее казалось выстроенным по чертежу – карьера, деньги, восхищенные взгляды мужчин, власть. Теперь же это будущее сжалось до размеров этой убогой комнатухи, пропахшей пылью, старым ковром и одним, единственным, грызущим изнутри чувством – страхом. Он был ее тенью, ее любовником, ее тюремщиком. Он сжимал горло каждый раз, когда лифт с лязгом останавливался на ее этаже. Он отдавался в висках гулом при быстрых шагах за спиной в подъезде. Он заставлял сердце замирать в ледяной пустоте при любом скрипе за дверью.

Она глубоко, с надрывом вздохнула, пытаясь протолкнуть ком паники, вставший в горле. Побег – это не освобождение. Это жизнь в вечном падении, в липком, воздушном кармане между прошлым, которое тебя сожрало, и будущим, которое, она это знала, готовит ей что-то худшее. И она падала. Стремительно, срываясь в пропасть, где не было низа. Прямо в объятия того, о чьем существовании даже не подозревала.

Того, кто уже давно, неотрывно, с холодным, хищным любопытством следил за ее падением. Он был ястребом в этом свинцовом небе, парящим в вышине, где воздух тонок и пахнет властью и деньгами. Он видел каждую ее содрогающуюся от страха пружинку, каждую попытку выпрямиться, каждый провал в отчаяние. Он выжидал. Его момент был близок. Его мир был тише – он пах старым деревом дорогих кабинетов, кожей эксклюзивных автомобилей и дорогим коньяком. Он был элегантным, выверенным и в тысячу раз более опасным, чем грубая сила людей Леонида.

И он уже шел за ней. Его шаги были беззвучны на мокром асфальте, но их ритм уже отдавался в ее крови глухим, набатным стуком. Он был уже здесь.

Глава 1. Тень в Зеркале

Клуб «Эгида» был не просто местом для развлечений. Это был храм, возведенный во славу порока, облицованный мрамором и деньгами, где поклонялись трем божествам: Власти, Страсти и Мимолетному Наслаждению, что больно кусает губы в предрассветном полумраке. Воздух здесь был густым, как запекшаяся кровь и дорогой сироп – сладковатая смесь выдержанного кубинского табака, вощенной кожи старинных кресел и парфюма с нотками кожи и амбры, который могли позволить себе лишь те, кто покупает людей, а не вещи. Глухой, животворящий бит басов, исходивший не из колонок, а будто из самого сердца здания, проникал под кожу, заставляя вибрировать не только хрустальные бокалы с сорокалетним виски, но и что-то глубоко внутри, сбивая ритм сердца, навязывая свой пульс. Огромная люстра из венецианского стекла, словно застывший водопад из слез, мелко дрожала, отбрасывая на стены, обтянутые темно-бардовым шелком, и на притворно-равнодушные лица гостей танцующие блики-призраки, будто сочувствуя всеобщему маскараду.

Алиса, или Анна, как она теперь заставляла себя откликаться на это простое, ничего не значащее имя, двигалась между низкими столиками из черного дерева с подносом, прижимая его к себе, как единственный щит. Ее черное платье-фартук из грубого полиэстера было нарочито безразмерным, скрывающим каждый изгиб, каждую линию тела, которые она теперь считала смертельно опасным оружием, направленным против нее самой. Ее волосы, некогда шелковистые и пахнувшие дорогим шампунем, были туго убраны под строгую, почти монашескую сеточку, выдергивая отдельные непослушные пряди у висков. Никакого макияжа, кроме одного слоя туши, чтобы взгляд не казался пустым, бездонным – как та пропасть, на краю которой она балансировала. Она была серой мышью, призраком, старалась быть невидимкой, растворяясь в тенях колонн. Но в «Эгиде» даже невидимки были на вес золота, потому что они видели и слышали слишком много.

«Смотри в пол, но видишь все. Дыши ровно, но помни каждый вздох. Они – пауки, а ты – муха в их паутине. Один неверный шаг, и шелк опутает тебя навсегда», – твердила она себе, и эта мантра отдавалась в висках навязчивой, тревожной дробью. Ее взгляд, острый, аналитический, подарок проклятой прошлой жизни, выхватывал мельчайшие детали: нервный тик на щеке финансиста, чьи пальцы с шикарным маникюром дрожали, заключая под столом сделку, от которой пахло тюрьмой; слишком жадный, голодный блеск в глазах молодой женщины в облегающем платье, сидевшей в сопровождении пожилого олигарха с лицом-маской; холодную, почти звериную отстраненность охранников, чьи взгляды, тяжелые и сканирующие, бродили по залу, как тепловизоры, выискивая малейшую угрозу.

Именно тогда, когда она заносила заказ – два виски, лед – у столика в дальней, затемненной ложе, затянутой дымной завесой сигар, массивная, обитая черной кожей дверь в клуб бесшумно отъехала в сторону.

Тишина не наступила, нет. Музыка не смолкла. Но гул голосов, этот настоящий на алчности и похоти гул, на мгновение стих, сменившись приглушенным, почтительным шепотом, похожим на шелест листвы перед грозой. Атмосфера в зале сгустилась, насытилась новым, острым электричеством – смесью страха, любопытства и подобострастия.

Вошел он. Не один, с двумя спутниками, от которых веяло таким леденящим холодом, что казалось, они не отбрасывают тени, а поглощают свет. Но они были лишь тенями, живым обрамлением, фоном для его фигуры.

Арсений Волков.

Его имя здесь произносили не иначе как шепотом, с почти религиозным трепетом, переходящим в суеверный ужас. «Волк». «Облако». Лидер синдиката, чьи операции были так же призрачны и вездесущи, как утренний туман над Москвой-рекой. Говорили, он мог уничтожить многомиллионный бизнес одной фразой, сказанной в трубку, и возвести новую империю на еще теплых руинах чужой жизни. Говорили, его прикосновение могло быть лаской, от которой закипает кровь, или ударом, ломающим кости.

Алиса замерла с подносом в онемевших руках, застыв на полпути от столика, как птица, загипнотизированная взглядом змеи. Ее сердце не заколотилось – оно, казалось, остановилось, превратившись в комок ледяного свинца где-то в горле. Сначала по нервам ударило чисто животное, примитивное чувство – инстинктивное узнавание Хищника в своем ареале обитания.

Он был высок, под метр девяносто, и его плечи – широкие, мощные, идеально заполнявшие линию темно-серого пиджака – казались несущими конструкциями всего зала. Костюм, сшитый для него безмолвным гением из Милана или, может, Лондона, не носил ни единой этикетки, но его молчаливый шепот о деньгах и власти был слышнее любого крика. Мягкая, но плотная шерсть шевииота обтягивала рельефные мышцы спины и плеч, выдавая в нем не кабинетного работника, а человека, который знает цену физической силе – ее применимости, ее весу, ее хрусту в чужих костях. Его походка была обманчиво плавной, почти ленивой кошачьей поступью, но в каждой мышце, в каждом взвешенном движении чувствовалась сдерживаемая, пружинящая мощь, готовая в любой миг сорваться в смертоносный взрыв. Он не смотрел по сторонам – он позволял пространству самого «Эгиды» вливаться в него, растворяться в его ауре, а сам в это время изучал не зал, а внутреннюю, невидимую карту своих владений, своих связей и своих угроз.

И тогда его взгляд, холодный и неспешный, как движение ледника, скользнул по ней.

Серые глаза. Цвет мокрого асфальта после дождя, зимнего неба за секунду до урагана. Они не отражали свет – они поглощали его, оставляя лишь глубину, лишенную всякой теплоты и сострадания. Эти глаза задержались на ней на одну, роковую секунду дольше, чем того требовала простая вежливость или мужская оценка. Он смотрел на нее не как на женщину. Он смотрел как на объект. На аномалию. На крошечную песчинку, занесенную в безупречный механизм его выверенного до наносекунды мира.

Алиса почувствовала, как по ее спине, под грубой тканью платья, пробежал не просто мурашек – целая ледяная волна, сковывающая каждый позвонок. В этом взгляде не было ни капли человеческого любопытства, лишь безразличный, сканирующий анализ, словно он видел ее рентгеновскими лучами. Он видел насквозь – дешевую краску в волосах, впитывающую запах пота; фальшивое имя, которое она сама себе присвоила, как бракованный талисман; дикий, животный страх, что пульсировал у нее под кожей, в каждом учащенном ударе сердца. Она резко, почти болезненно опустила глаза, ощутив, как сердце не просто заколотилось, а сорвалось с места, застряв где-то в горле и сжимая его в стальные тиски. Руки дрогнули, пре-

дательски ослабев, и тонкий край хрустального бокала с кроваво-рубиновым вином звякнул о поднос, прозвучав в ее восприятии громче любого выстрела.

«Идиотка! Ничтожная, жалкая идиотка!» – прошипела она мысленно сама себе, ярость к собственной слабости придавая ей сил заставить ноги двигаться, унося ее прочь, в мнимую безопасную зону за стойкой бара.

Она прислонилась спиной к холодной, почти ледяной стене, скрытой от глаз гостей, пытаясь отдышаться, втягивая воздух, который казался выжженным. Но он был полон им. Запах его парфюма до сих пор стоял в ноздрях, обволакивая сознание – древесный, пряный, с дымной ноткой кожи и чего-то неуловимого, первобытно-опасного, как запах дыма после выстрела или озона после удара молнии.

«Успокойся, – бешено твердила она себе, сжимая влажные ладони. – Он просто еще один богатый ублюдок в длинной череде ублюдков. Ты для него – пыль. Воздух. Ничто».

Но когда она, повинуясь какому-то губительному магнетизму, рискнула снова украдкой посмотреть в его сторону, он уже сидел в своей ложе, в самом сердце затемненного зала, откинувшись на спинку бархатного дивана. Один из его теней-спутников, склонившись, что-то тихо и быстро докладывал, но взгляд Арсения был прикован не к говорящему. Он был направлен на нее. Прямо на нее. И в уголках его глаз, этих глаз цвета зимней бури, залегла не просто тень, а живое, пульсирующее воплощение чего-то, что было очень далеко от безразличия. Это было холодное, аналитическое, но оттого не менее жгучее любопытство хищника, учуявшего странный, новый, интригующий запах в своем знакомом до тошноты лесу. Она не видела, как его губы, тонкие и выразительные, тронула едва заметная, чуть насмешливая улыбка. Улыбка охотника, который только что учуял самый интересный, самый пугливый запах в этом лесу – запах страха, приправленный обманчивой простотой.

Именно в этот миг, когда их взгляды были связаны этой невидимой, натянутой как струна нитью, ее мобильный телефон в кармане фартука тихо, но отчетливо вибрировал, отдаваясь в бедре словно удар током. Анонимный номер. Без подписи. Только короткая, как приговор, фраза на ослепительно-белом экране: *«Твоя очередь кончается, Алиса. Мы тебя найдем. Уже нашли».*

Мир, который только что состоял из взгляда этого мужчины, внезапно сузился до размеров горящего экрана в ее ладони. Прошрое, вонючее и кровавое, настигло ее. Здесь. Сейчас. В самом логове нового, куда более могущественного и непостижимого хищника.

И Алиса поняла со всей ясностью обреченного, с ледяным спокойствием тонущего корабля: ее побег только что закончился. Он не просто провалился. Он привел ее из одной ловушки прямоком в пасть к другой. И эта новая была не просто опаснее. Она была бездной, которая смотрела на нее глазами цвета зимней грозы. И в этой бездне внезапно что-то шевельнулось, проявив к ней интерес. И от этого интереса стало еще страшнее.

Глава 2. Улица Теней

Город, который Алиса когда-то любила, по которому она гуляла, запрокинув голову к сияющим вершинам небоскребов, теперь превратился в бесконечный, враждебный лабиринт из чужих теней и отражений. Каждый прохожий с опущенным взглядом, каждый силуэт в повороте, каждый мужчина в темном, дорогом пальто был потенциальной угрозой, затаившимся ножом, направленным в спину. Сообщение на телефоне, это цифровое клеймо, жгло карман ее фартука не просто как раскаленный уголь, а как каленое железо, оставившее на ее душе нестираемый шрам.

«Мы тебя найдем».

Не «можем», не «попытаемся». А «найдем». Безличная, железная констатация факта, не оставляющая места надежде. Леонид Петрович, ее бывший босс и несостоявшийся палач, никогда не бросал слов на ветер. Каждое его слово имело вес, стоимость и последствия.

Смена в «Эгиде» подходила к концу в предрассветной, серой агонии. За окнами, за толстыми стеклами, которые не пропускали уличный гул, неоновые огни – ядовито-розовые, синие, зеленые – вели свою последнюю, безнадежную борьбу с наступающим серым, безразличным светом нового дня и проигрывали, постепенно сдаваясь, блекну и умирая. Алиса, дрожащими от перенапряжения и остаточного страха руками, переделалась в свои дешевые, потерянные на коленях джинсы и бесформенную толстовку, пахнущую дешевым стиральным порошком и тоской. Она вышла через черный ход – тяжелую, обитую сталью дверь, царапающую асфальт. Запах ударил в ноздри, резкий и откровенный: сладковатый перегар, кислая вонь помоек, прогорклый аромат старого масла из вентиляции соседней забегаловки. Этот мирок пах так же гнило и безнадежно, как и ее настоящее.

Ей нужно было домой. В ту самую комнату-гроб, с пожелтевшими обоями и вечным запахом чужого отчаяния, въевшимся в пыльный ковер. Это было единственное, что у нее осталось – четыре стены и всепоглощающий страх. Улица была пустынна, вымерла. Лишь где-то вдалеке, за поворотом, утробно урчал мусоровоз, перемалывая отходы чужой жизни. Она закуталась глубже в тонкую, продуваемую куртку, пытаясь стать меньше, уже, незаметнее, раствориться в сером бетоне. Ее собственные шаги, быстрые и отрывистые, эхом отдавались в гробовой тишине спящего переулка, и ей чудилось, с каждой пройденной секундой все явственнее, что их – два. Ее легкие, торопливые шажки, и еще чьи-то – тяжелые, размеренные, неотступные.

Она резко обернулась, сердце колотясь в горле, почти перекрывая дыхание. Никого. Лишь предрассветный ветер, холодный и бесприютный, гонял по влажному асфальту растрепанную обертку от шоколада. Паранойя? Нет. Это не было игрой воображения. Это был инстинкт выживания, отточенный до остроты бритвы долгими месяцами бегства, предательства и ночей, проведенных в липком ужасе.

Она свернула в узкий, как щель, проулок, короткий, но грязный путь к ее дому. И тут же, с ледяющей душу ясностью, поняла, что совершила роковую, возможно, последнюю в своей жизни ошибку.

В конце переулка, у стены, покрытой похабными граффити и слоями старых афиш, стояли двое. Высокие, с плечами бойцов, закованные в темные, безразмерные спортивные костюмы, скрывающие мускулатуру. Их позы были слишком расслабленными, слишком ожидающими. Они курили, но в их медленных, точных движениях не было безразличия курильщика на перекуре – был холодный, хищный расчет.

Алиса замерла на месте, почувствовав, как кровь буквально стынет в жилах, превращаясь в ледяную глыбу. Она узнала типаж с первого взгляда. Такие же, как те, что когда-то стояли у кабинета Леонида, с лицами-масками и глазами, в которых не было ничего человеческого. Его «бизнес-аналитики» с кулаками размером с молот и интеллектом каменной глыбы.

Она резко, с импульсом дикого животного, развернулась, чтобы бежать назад, к выходу из переулка, но сзади, бесшумно возникнув и перекрывая единственный путь к отступлению, стоял уже третий. Меньшего роста, жилистый, с лицом, изъеденным старыми оспинами, и маленькими, холодными, как пустые бутылки, глазами. В его руке что-то коротко блеснуло в тусклом свете. Не нож. Что-то гораздо хуже – компактный шокер, противное синее устройство, от которого исходило тихое, злое, угрожающее жужжание, похожее на полет разъяренного шершня.

– Соколова, – произнес Оспиновый сиплым, пропитанным табаком и цинизмом голосом. Звук ее настоящей фамилии прозвучал как похоронный звон. – Хозяин соскучился. Приглашает на чай. С собой.

Паника, острая, слепая, абсолютная, ударила в голову, затуманивая зрение и сжимая горло. Бежать? Они догонят – они были быстрее, сильнее. Кричать? Кто услышит ее вопль в этом глухом, задрипанном переулке в предрассветные, самые безразличные часы? Мысли метались, как перепуганные птицы, бьющиеся о стеклянные стены клетки. Она отступала, пятясь, пока спиной не уперлась в шершавую, холодную, безжалостную кирпичную стену. Ловушка. Глухой, беспросветный тупик. Конец пути.

Запах их дешевого, агрессивного одеколона «Амбрэ» смешался с едким, медным запахом ее собственного страха, потом на губах. Один из «бизнес-аналитиков», тот, что покрупнее, сделал тяжелый шаг к ней, его огромная, покрытая шрамами рука потянулась, чтобы грубо вцепиться в ее волосы, от которых все еще пахло дешевым шампунем и клубным дымом. Алиса инстинктивно зажмурилась, всем телом готовясь к грубому удару, к разрывающей боли, к финальной, поглощающей тьме.

Но удара не последовало.

Вместо него раздался резкий, влажный, отвратительно-мягкий звук, похожий на удар сырого мяса о бетонный выступ. А потом – короткий, захлебывающийся стон, полный недоумения и боли.

Она открыла глаза, не веря им.

Оспиновый лежал на мокром асфальте, скрючившись калачиком, и тихо, прерывисто хрипел, обеими руками судорожно вцепившись в живот. А над ним, вырисовываясь на фоне грязной кирпичной стены, стоял Он.

Не Арсений. Один из его теней. Тот, что был в клубе – высокий, с лицом, высеченным из гранита, с коротко стриженными волосами, от которых еще резче вырисовывались брутальные линии скул и челюсти. Его темная, функциональная одежда облегла тело, подчеркивая каждую мышцу, каждое напряжение готового к действию тела. Он двигался с пугающей, почти звериной грацией, его бедра плавно работали при каждом шаге, словно у крупного хищника.

Двое других нападавших замерли в нерешительности, оценивая нового противника. Воздух в переулке сгустился, насытился адреналином и чем-то еще – грубым, мужским возбуждением от предстоящей схватки.

– Уходите, – произнес тень голосом, низким и глухим, лишенным всяких эмоций, но от этого еще более властным. – Эта добыча помечена.

– Кто ты такой, чтобы... – начал один из «аналитиков», его голос прозвучал глупо и жалко на фоне этой тихой уверенности.

Тень двинулась. Это было не похоже на драку. Это был разбор механизма, демонстрация абсолютного физического превосходства, от которой по телу пробежал странный, запретный трепет. Быстрый, точный, почти интимный по своей близости удар в колено – резкий, сухой хруст, похожий на ломающуюся ветку, и тут же – грубый, животный вопль. Мгновенный уклон от ответного удара, плавный захват, мощный бросок через бедро, в котором была какая-то дикая, необузданная красота. Второй грохнулся на землю, тяжело, с глухим стоном, выдыхая из легких воздух вместе с остатками бравады. Все заняло считанные секунды. Тишину переулка теперь рвали только прерывистые, влажные стоны, звуки боли, смешанные с хриплым дыханием победителя.

Тень повернулась к Алисе. Его грудь слегка вздымалась, и она с болезненной четкостью увидела, как напряглись мышцы его пресса под тонкой тканью водолазки. Его лицо оставалось невозмутимым, но в глазах, темных и бездонных, плясали чертики удовлетворения от проявленной силы.

– Следуйте за мной.

У нее не было выбора. Ноги, ватные и предательски слабые, сами понесли ее за этим человеком, обходя лежащие на земле тела, от которых тянуло теплым паром и медным запахом крови. Она не чувствовала облегчения. Только новый, более глубокий ужас, смешанный

с порочным, унижительным интересом к этой демонстрации мощи. Ее не спасли. Ее перехватили. Отняли.

На выезде с переулка, в глубокой тени, куда не доносился свет фонарей, стоял автомобиль. Не кричащий люкс, а большой, темный, как сама ночь, внедорожник с тонированными до состояния слепоты стеклами. Машина-призрак, хищник, притаившийся в засаде.

Тень открыла ей заднюю дверь. Изнутри повалил волной тот самый запах – его запах. Дорогой, холодный парфюм с нотами кожи, бергамота и сандала, смешанный с едва уловимым ароматом дорогого коньяка и власти. Запах, который уже стал для нее навязчивым кошмаром и... смутным обещанием.

Сердце Алисы упало куда-то в пятки, а между ног предательски сжалось и стало теплым. Внутри, в бархатном полумраке салона, отделанного мягчайшей кожей цвета воронова крыла, сидел он.

Арсений Волков.

Он не смотрел на нее. Он изучал что-то на планшете, и холодный, синеватый свет от экрана выхватывал из темноты его жесткие, идеально вылепленные черты – высокие, властные скулы, по которым так и хотелось провести кончиками пальцев, прямой, почти надменный нос, упрямый, решительный подбородок с едва заметной ямочкой. Он был без пиджака, в темной, почти черной рубашке из тяжелого шелка, с двумя расстегнутыми верхними пуговицами, обнажавшими основание сильной, жилистой шеи и начало ключиц. Рукава были закатаны до локтей, открывая мускулистые, с проступающими венами предплечья, и дорогие матовые часы, которые тихо тикали, словно отмеряя последние секунды ее старой жизни.

– Садись, Алиса, – сказал он, не отрывая взгляда от экрана. Его голос был низким, бархатным, глубоким, как вода в бездонном колодце, и он прошелся по ее коже мурашками. – Или тебе нравится устраивать представления на улице? Я, признаться, нахожу в этом определенный шарм. Сырость, грубость... первобытность.

Она молча, как загипнотизированный автомат, забралась внутрь. Кожа сиденья была прохладной и мягкой, как прикосновение, и она почувствовала, как ткань ее джинсов прилипла к коже влажной от страха внутренней стороной бедер. Дверь закрылась с глухим, герметичным щелчком, отсекая внешний мир. Они оказались в ловушке. В дорогой, пахнущей им капсуле. Машина тронулась абсолютно бесшумно, отъезжая от места, где ее жизнь едва не оборвалась, унося ее в неизвестность, от которой перехватывало дух.

Он наконец поднял на нее глаза. В полумраке они казались почти черными, бездонными, и в них читалась не просто власть, а право обладания.

– Алиса Соколова. Бывшая восходящая звезда «Альфа-Капитала». Обвиняется в растрате двадцати миллионов. Скрывается от правосудия и, что гораздо интереснее... – он сделал театральную паузу, и его взгляд скользнул вниз, по ее фигуре, медленно, оценивающе, заставляя кровь приливать к щекам, – от своего бывшего покровителя, Леонида Громова. Человека без фантазии, но с большими амбициями.

Он произнес это так, будто читал ее личное дело, ее дневник, ее самые постыдные мысли. Холодный пот выступил у нее по спине, но вместе с ним пришла и волна жара, стыдливого и неотвратимого.

– Как вы... – начала она, но голос предательски дрогнул, став низким, хриплым, почти чувственным.

– Я знаю все, что происходит в моем городе, – он отложил планшет, и теперь его внимание принадлежало только ей, целиком и полностью. Он наклонился чуть ближе, и его запах ударил в нос с новой силой. – Особенно то, что пахнет деньгами... и страхом. Ты пахнешь и тем, и другим, милая. Очень интенсивно. И, должен признаться, – его губы тронула едва заметная, хищная улыбка, – это возбуждающий коктейль.

Он изучал ее с видом знатока, оценивающего редкий, испуганный экземпляр. Его взгляд, тяжелый и медленный, словно физическое прикосновение, скользнул по ее бледному, почти прозрачному лицу, задержался на испуганных глазах, где плескалась буря из страха и чего-то еще, чему не было имени, опустился к дрожащим рукам, сжатым в кулаки на коленях так, что костяшки побелели. Он видел каждую пору на ее коже, каждую ресницу, каждую каплю пота на висках.

– Твои дружки из прошлой жизни не остановятся, – его голос был ровным, но в нем слышалось железо. – Они были лишь вежливым предупреждением, шепотом на пороге. Следующий визит будет последним. И он не ограничится переулком. Они вскроют твою дверь, как консервную банку, и сделают все, что захочет Леонид. А он, должен заметить, обладает довольно... буйной фантазией, когда дело касается непослушных девочек.

– Что вам от меня нужно? – выдохнула она, ненавидя слабость в своем голосе, этот сдавленный, хриплый шепот, который звучал так пошло и вызывающе в тишине салона.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки. В ней не было ни тепла, ни человеческого удовольствия. Это была холодная, геометрическая расчетливость хищника, видящего идеальную ловушку.

– Ты умна. Я ценю ум. Он возбуждает. Ты в отчаянном положении. Я ценю отчаянных. В них кроется особая, дикая энергия. Ты – чистый, испуганный лист бумаги, и на нем я могу написать все, что захочу. Новые правила. Новую судьбу. Новые... желания. – Он помедлил, давая этим словам повиснуть в воздухе, тяжелым, как свинец, и неоспоримым, как приговор. – У меня для тебя предложение. Не работа. Не служба. Сделка. Слияние.

– Какую сделку вы можете предложить мне? – прошептала она, чувствуя, как от его низкого голоса по коже бегут мурашки, а между ног возникает предательское, стыдливое тепло.

– Твое молчание. Абсолютное. Обо всем, что ты могла случайно услышать или увидеть в «Эгиде». Обо всех полусловах, о всех именах, что проскользнули мимо твоих ушей. И моя защита. Полная и абсолютная. От Громова. От полиции. От всего этого жалкого, похотливого мира, который хочет тебя сожрать, разорвать на куски и выплюнуть. – Он откинулся на спинку сиденья, его бедра раздвинулись чуть шире, демонстрируя мощную мускулатуру даже сквозь дорожную ткань брюк. – Я стану твоей крепостью. Твоим законом. Твоим Богом.

Алиса сглотнула. Ком в горле был размером с его сжатый кулак, горячий и невыносимый.

– А что взамен? – этот вопрос был вырван из самой глубины ее существа, последней попыткой сохранить видимость контроля.

Его взгляд стал пристальным, пронзающим насквозь, словно он видел ее обнаженной не только физически, но и душевно. Он медленно, с почти театральной грацией, протянул руку. Его пальцы, длинные, ухоженные, с идеально очерченными ногтевыми лунками, коснулись ее щеки. Прикосновение было прохладным, как отполированная сталь клинка, и таким же опасным. Она вздрогнула всем телом, резкий спазм прошел от виска до самых пяток, но не отпрянула. Не могла. В ее теле включился древний, животный инстинкт – застыть, замереть, когда на тебя смотрит хищник, предлагая не смерть, а нечто более сложное.

– Взамен, – тихо сказал он, и его голос приобрел бархатисто-опасные, густые нотки, похожие на вкус старого коньяка и запретного удовольствия, – ты становишься моей. Твоя жизнь, твое тело, твое послушание. Каждый твой вздох. Каждый стон. Каждая мысль. Отныне и до того момента, пока я не решу иначе. Пока не насыщусь тобой.

Его пальцы скользнули с щеки на линию подбородка, сильные и властные, заставив ее поднять голову выше, подставить уязвимое, бьющееся пульсом горло. Это был не жест нежности или утешения. Это был акт обладания, маркировки, более откровенный и вызывающий, чем поцелуй. Он изучал изгиб ее шеи, и в его глазах вспыхнул огонек голода.

– Ты будешь жить под моей крышей. Дышать моим воздухом. Спать в моей постели, если я того пожелаю. И выполнять мои поручения. Все. Без исключений. У тебя нет выбора, Алиса.

Твой выбор закончился в том переулке, когда ты позволила страху стать твоим господином. Я просто предлагаю заменить его на кого-то... более сильного.

Он был прав. До жути, до боли прав. Бежать было некуда. Сопротивляться – бессмысленно, как пытаться остановить лавину. Он предлагал не свободу. Он предлагал выживание в позолоченной клетке. Самую роскошную, самую безопасную тюрьму в мире, где тюремщик будет требовать от нее не просто покорности, а полного, безраздельного самоотречения.

Она посмотрела в его серые, как пепел после пожарища, глаза и увидела в них свое отражение – маленькое, испуганное, разбитое существо. И что-то еще, глубоко в их бездне. Искру. Не надежды. А темного, всепоглощающего желания. Желания владеть, контролировать, поглотить ее целиком, не оставив и тени прежней Алисы.

– Хорошо, – прошептала она, и это слово, сорвавшееся с ее губ, стало самым тяжелым, самым горьким и самым постыдным в ее жизни. Оно пахло капитуляцией и темной, манящей сладостью порабощения. – Я согласна.

Его губы тронула та же холодная, безрадостная улыбка, но теперь в его глазах вспыхнул настоящий, неприкрытый огонь триумфа и антиципации.

– Умная девочка. Очень умная. Теперь расслабься. Перестань бороться. Это станет тебе наградой.

Машина мчалась по пустынным, сереющим улицам, увозя ее от прошлого, которое было адом. Прямо в пасть к будущему, которое было загадкой, окутанной бархатом, кожей и властью. И самое ужасное, самое порочное было то, что где-то глубоко внутри, под толстыми слоями страха, отчаяния и стыда, что-то шевельнулось, расправляя крылья. Что-то темное, запретное и влажное, что с глубочайшим, животным облегчением признавало – битва проиграна. Исчезла необходимость выбирать, бороться, бежать. Теперь можно было перестать быть собой. Теперь можно было просто... принадлежать. И в этой капитуляции была своя, извращенная, всепоглощающая свобода.

Глава 3. Позолоченная клетка

Внедорожник, черный и бесшумный, как ночной хищник, плавно скользнул за массивные кованые ворота с позолоченными навершиями в виде стилизованных волчьих голов. Ворота бесшумно сомкнулись за ними, с металлическим вздохом, словно гильотина, раз и навсегда отсекающая последнюю, хрупкую связь с внешним миром, с ее прошлым, с призраком свободы. Алиса прилипла лбом к холодному, тонированному стеклу, наблюдая, как сквозь густую, слепящую завесу утреннего дождя проступают контуры ее новой тюрьмы, ее убежища, ее ада.

Это была не просто вилла. Это была крепость, шедевр современной архитектуры, парившей на склоне загородного холма, словно хищная птица в своем недостижимом гнезде. Сочетание стекла, бетона и темного, почти черного дерева создавало впечатление холодной, неумолимой силы, подавляющей своей масштабностью и безупречностью. Огромные панорамные окна, словно слепые, всевидящие зрачки, отражали хмурое, беременное бурей небо. Дом был потрясающим, безупречным, бездушным и абсолютно неприступным – воплощение самого Арсения Волкова в камне и стекле.

Машина остановилась под широким стеклянным козырьком. Тень – тот самый, что поймал ее, чье имя она так и не узнала и, вероятно, никогда не узнает, – открыл ей дверь. Его движения были отточены до автоматизма, лицо – каменной маской.

– Пройдемте.

Она вышла под монотонный, убаюкивающий стук дождя по стеклянному навесу. Воздух, в отличие от городского смога, был чистым, влажным, пьянящим, пахло хвоей, мокрым камнем и дорогим, ухоженным газоном. Тишина – абсолютная, гробовая – давила на уши, привыкшие к постоянному гулу мегаполиса, и в этой тишине звенело что-то тревожное, зловещее.

Внутри ее встретила не просто обстановка, а атмосфера стерильного, безупречного музея современного искусства, где экспонатом была она сама. Пол из полированного темного мрамора, черного, как вороново крыло, отражал ее испуганную, съежившуюся фигурку, как бездонное, зловещее озеро. Высокие, подъемные потолки давили своим размахом. Минималистичная мебель из темного дуба и кожи – диваны, низкие столы, кресла – в каждой линии которых угадывалась цена целой жизни простого человека. На стенах – абстрактные полотна, взрывы агрессивного цвета и неистовой формы, которые стоили, она была в этом уверена, больше, чем все ее прошлые зарплаты вместе взятые, больше, чем ее жизнь. Ничего лишнего. Ни одной пылинки. Ни одной случайной детали. Ни одной живой души, кроме безмолвной тени, ведущей ее дальше.

Ее провели по длинному, тонущему в полумраке коридору, где ее шаги беззвучно тонули в толстом, ворсистом ковре цвета антрацита, впитывая каждый звук, как впитывала бы крик.

– Ваши апартаменты, – тень открыл тяжелую, массивную дверь из темного, испещренного природными узорами дерева. – Вас проинструктируют утром. Не пытайтесь выйти. Это бесполезно.

Дверь закрылась за ней с тихим, но окончательным, щелчком замка, который прозвучал в ее сознании громче любого хлопка. Алиса осталась одна. Совершенно одна в роскошном заточении.

Она медленно обернулась, осматривая свое новое жилище. Это был не просто номер. Это была полноценная, просторная квартира в стиле лакшери-отеля: гостиная с панорамным видом на бескрайний хвойный лес и извилистую, как змея, реку внизу, современная кухня с блестящей сталью, дверь в предположительно спальню. Все те же холодные, шикарные тона, дорогие, натуральные материалы, идеальный, выверенный до миллиметра порядок, который кричал о тотальном контроле. На большом диване из мягчайшей кожи лежала аккуратная стопка одежды – просторные шелковые брюки цвета шампанского, кашемировый свитер оттенка слоновой кости. Все ее размера. Идеального. Все без ярлыков, как и у него, сшитое на заказ, как униформа для новой жизни.

Этот жест – молчаливая, продуманная забота о ее комфорте – был пугающим, даже более пугающим, чем грубая сила в переулке. Он не просто лишал ее свободы. Он лишал ее выбора, ее личности, ее прошлого, ее дешевых джинсов и толстовки, пахнувших страхом. Он стирал Алису Соколову, как стирают файл с компьютера, чтобы начать писать на чистом, податливом листе новую историю.

Она подошла к окну, прижалась ладонями к холодному, идеально прозрачному стеклу. Вид был завораживающим, почти мистическим в своей суровой красоте и абсолютно безнадёжным. Высокий, неприступный забор с колючей проволокой под током, вращающиеся камеры, бескрайний лес, непроходимая, темная чаща. Побег? Мысль о нем была настолько абсурдной, что вызывала горькую усмешку. Самоубийство, прыжок с этого балкона, казалось бы, более реалистичным и быстрым вариантом.

Она скинула с себя свою грязную, пропахшую чужим потом, страхом и переулком одежду, с ощущением сбрасывания с себя старой, мёртвой кожи, и залезла под душ в ванной комнате, отделанной черным матовым мрамором с золотыми прожилками. Горячая, почти обжигающая вода стекала по ее телу, смывая с нее грязь, пот и отпечатки чужих рук, но не могла смыть чувство глубокого унижения и леденящий, проникающий в кости ужас перед неизвестностью. Она стояла, прислонившись лбом к прохладной, гладкой плитке, и всем телом, каждой клеткой, ощущала каждую вибрацию этого огромного, молчаливого дома. Он был живым. Дышащим. И его сердцебиением, его пульсом была тихая, неумолимая, всепроникающая воля Арсения Волкова.

Вытиревшись насухо пушистым, невесомым полотенцем, она надела предложенную одежду. Шелк брюк приятно, почти по-ласкающему охлаждал кожу бедер, кашемир свитера был

невесомым и нежным, как прикосновение. Эта роскошь была еще одной цепью. Она вышла в гостиную, все еще ощущая на коже следы горячей воды и прохлады шелка. И замерла, кровь стыну в жилах.

В центре комнаты, в глубоком кресле у камина, в котором уже потрескивали и стреляли искрами настоящие поленья, сидел он.

Арсений.

Он сменил свой дневной доспех – безупречный костюм – на вечерние, интимные доспехи: темные, мягкие брюки, облегающие его мощные бедра, и простую черную водолазку из тончайшей меринсовой шерсти. Ткань, как вторая кожа, обрисовывала каждый рельеф его торса – широкую грудную клетку, упругий пресс, сильные бицепсы, напоминавшие о той грубой силе, что он так легко применил в переулке. В одной руке он небрежно покручивал бокал с коньяком, золотистая жидкость которого играла в свете огня, словно расплавленный янтарь. Другая рука лежала на подлокотнике кресла, длинные пальцы расслабленно свисали, но в их неподвижности чувствовалась готовность в любой миг сжаться в кулак или вцепиться в нее. Он смотрел на пляшущие в камине языки пламени, и игра света и тени вырезала его профиль с безжалостной четкостью – высокий, почти римский нос, твердый, решительный подбородок с едва заметной ямочкой, и губы – тонкие, выразительные, которые, казалось, никогда не знали мягкой, искренней улыбки, но были созданы для приказов и, возможно, для жестоких ласк. Он был воплощением спокойной, сосредоточенной силы. Хищником, переваривающим добычу и планирующим следующую охоту.

– Нравится? – его голос был низким, расслабленным, но в нем слышалась стальная пружина. – Шелк тебе к лицу, Алиса. Он подчеркивает каждое движение твоих бедер. И скрывает ровно настолько, насколько нужно, чтобы разжечь воображение.

Он сделал небольшой глоток коньяка, его глаза скользнули по ее фигуре, от шеи, скрытой в нежном кашемире, вниз, к груди, к бедрам, обтянутым шелком, к босым ногам.

– Подойди ближе, – мягко скомандовал он. – Грех прятать такую красоту в тени. Ты теперь часть интерьера. Самая ценная его часть.

– Садись, Алиса, – сказал он, не поворачивая головы. Его голос был тихим, глубоким бархатом, но он заполнил собой все пространство комнаты, вытеснив воздух, заставив его вибрировать на одной, нужной ему частоте.

Она медленно, как по тонкому, хрустальному льду, готовому треснуть в любую секунду, подошла и опустилась на самый краешек широкого кожаного дивана напротив него. Шелк предложенных ему брюк с тихим, похожим на вздох шепотом скользил по ее коже, по внутренней стороне бедер, напоминая о ее наготы и уязвимости под этой обманчивой защитой. Кашемир свитера был невесомым, но давил на плечи тяжестью ожидания.

– Тебе нравится вид? – спросил он, его взгляд все еще был прикован к огню, как будто он спрашивал о погоде, а не о панораме ее заточения.

– Это... впечатляет, – ответила она честно, сжимая пальцы, чтобы скрыть их дрожь, не в силах назвать это холодное величие «домом». Это был монумент его власти.

– Безопасность не должна быть уродливой. Это первое, что ты должна усвоить. Здесь ты в безопасности. Пока выполняешь правила.

Он сделал маленький глоток коньяка, и она с болезненной четкостью представила, как теплая жидкость стекает по его горлу.

– Какие правила? – ее собственный голос прозвучал хрипло, сорвавшимся шепотом, влажным от скрытого страха и нежелательного возбуждения.

Он наконец повернул к ней голову. Его серые глаза в отсветах пляшущего пламени казались почти расплавленным серебром, жидким и тяжелым. Они изучали ее, медленно, без спешки, скользили по мокрым от душа волосам, темным и тяжелым, по лицу, лишенному косметики и поэтому казавшемуся особенно юным и беззащитным, по хрупкой фигуре, утонув-

шей в дорогой, но чужой, навязанной одежде. Его взгляд был физическим прикосновением, раздевающим ее более эффективно, чем любые руки.

– Правило первое, – начал он, и каждый слог падал, как отточенная сталь, – не пытаться покинуть территорию без моего сопровождения. Последствия будут... окончательными. И необратимыми.

Он сделал еще один глоток, его взгляд не отрывался от нее.

– Правило второе: не лгать мне. Ни в чем. Ни в мыслях, ни в жестах, ни в молчании. Я всегда узнаю правду. А ложь... – он чуть склонил голову, – это неуважение. Единственное, чего я не потерплю.

Он поставил бокал на стол с тихим, но весомым стуком.

– Правило третье: твоё тело принадлежит мне. Ты отдаешь его, когда я этого хочу. Где я этого хочу. И как я этого хочу. Это не обсуждается. Это – аксиома твоего нового существования.

Каждое слово било по ней, как молоток по наковальне, отчеканивая ее новую реальность. Она сжала пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы, чтобы они не дрожали. Унижение, жгучее и горькое, поднималось комом в горле, смешиваясь с чем-то темным и влажным, что сжималось низко в животе.

– Я не... я не вещь, – выдохнула она, ненавидя слабость, самый жалкий протест в своем голосе, который звучал как просьба о подтверждении.

Он медленно, с кошачьей грацией, поднялся с кресла. Его движения были плавными, но в каждой мышце чувствовалась сдерживаемая, готовящаяся к высвобождению мощь. Он подошел к ней, и его тень, огромная и всепоглощающая, накрыла ее целиком, поглотив в себе свет камина. Он пах теплым коньяком, дорогим сандаловым деревом и чистой, животной, первобытной мужской силой, от которой кружилась голова и предательски слабели колени.

– О, нет, – тихо, почти ласково прошептал он, наклоняясь к ней так близко, что его дыхание, теплое и пряное, коснулось ее губ. Его лицо оказалось в сантиметрах от нее, и она видела мельчайшие морщинки у глаз, темные, бездонные зрачки, в которых плясали отражения огня, как обещание ада и рая одновременно. – Ты не вещь. Вещь можно выбросить, когда она надоест. Ты – актив. Ценный, сложный и пока нераскрытый. И я намерен раскрыть твой потенциал. Полностью. До самой последней, потаенной дрожи.

Он протянул руку, и его пальцы, длинные, ухоженные, но с шершавыми подушечками, обхватили ее подбородок. Его прикосновение было твердым, прохладным и безоговорочно властным. Он заставил ее поднять голову, вынуждая смотреть прямо в эти серебряные глаза-бездны, от которых перехватывало дыхание и по всему телу бежали разряды запретного, стыдного тока.

– Твое сопротивление – часть твоего обаяния, Алиса. Оно придает особый вкус предстоящему... обучению. Но оно бесполезно. Ты уже моя. – Его большой палец медленно провел по ее нижней губе, заставляя ее вздрогнуть всем телом. – Твое тело знает это. Оно просто еще не сообщило об этом твоему гордому, испуганному, такому прекрасному в своем отчаянии разуму. Но сообщит. Очень скоро.

Его взгляд, тяжелый и намеренный, скользнул с ее глаз на ее губы, задерживаясь на них с таким интенсивным вниманием, словно он уже чувствовал их вкус. Она почувствовала, как по ее спине, позвонок за позвонком, пробежала не просто смесь ледящего страха и темного возбуждения, а целая буря – унижительная, предательская волна жара, которая заставила ее кожу под шелком и кашемиром покрыться мурашками. Ненависть к нему, за его власть, и к самой себе – за эту немую, позорную реакцию ее собственного тела, – закипала в груди едким, горьким комом.

– Ты ненавидишь меня сейчас, – констатировал он с ледяной, почти клинической точностью, словно читая самые постыдные записи в ее душе. Его большой палец, шершавый от древ-

ков оружия и тяжелых денежных папок, грубо, по-хозяйски провел по ее нижней губе, заставляя ее непроизвольно сомкнуть их, почувствовав навязчивое, почти болезненное давление. – Это нормально. Даже полезно. Ненависть – это просто обратная сторона страсти. Необузданной, дикой энергии. А я, – его губы изогнулись в подобие улыбки, в которой не было ни капли тепла, – предпочитаю, чтобы все вокруг меня бурлило страстями. Так ими легче управлять. Так они становятся... предсказуемыми.

Он отпустил ее подбородок, и она чуть не рухнула назад на диван, настолько все ее тело было напряжено, как струна, готовая лопнуть. Внезапная потеря его властного прикосновения ощущалась почти как физическая боль, как лишение, и это осознание вызывало новую волну ярости. Ее губы горели, будто он обжег их кислотой, и это жжение расплзлось по всему телу, достигая самых сокровенных, самых темных мест.

– Отдыхай, – сказал он, уже поворачиваясь к выходу, его фигура в облегающей водолазке на мгновение заслонила свет камина, отбросив на нее новую, еще более густую тень.

– Наслаждайся тишиной. Завтра начнется твое настоящее обучение. Первый урок. Ты будешь работать на меня. Твой острый, аналитический ум, твое чутье к цифрам – все это не должно пропадать даром. Леонид был слепцом, не сумевшим разглядеть твой истинный потенциал. Я же, – он бросил на нее последний, пронзительный взгляд, – намерен выжать из тебя все до последней капли. И тебе понравится этот процесс. В этом моя уверенность.

Он вышел, и дверь закрылась за ним с тихим, но безжалостным щелчком. Он оставил ее одну в центре огромной, роскошной комнаты, с губами, которые все еще пылали от его грубого прикосновения, и с душой, разорванной на части, как тряпичная кукла. Она была унижена до самого основания. Она была в ярости. Она была в панике. Но глубоко внутри, под всеми этими слоями отчаяния и гнева, в самом темном, самом потаенном уголке ее существа, куда не доходил свет совести, тлел крошечный, порочный, живой уголек. Уголек проклятого любопытства.

«Раскрыть твой потенциал».

Что он имел в виду? Только ли работу? Или нечто большее? Нечто, что касалось не только ее ума, но и ее тела, ее нервов, ее самых скрытых реакций? И почему мысль о его абсолютной власти над ней, о том, что он будет ее «учить», заставляла ее кровь бежать по венам быстрее, а низ живота сжиматься от странного, тяжелого, влажного ожидания, от предвкушения, похожего на страх перед падением с огромной высоты?

Она подошла к огромному, от пола до потолка, окну и прижалась горящим лбом к ледяюще-холодному стеклу, пытаясь остудить и тело, и разум. Дождь усиливался, заливая мир за окном сплошной, серой, безразличной пеленой, стирая границы между небом и землей, между прошлым и будущим. Она была в ловушке. В самой красивой, самой дорогой и самой прочной ловушке на свете. Но впервые за долгие месяцы бега, паники и жизни в липком, ежеминутном страхе, за ее спиной не было призраков прошлого. Не было Леонида, не было украденных миллионов, не было полиции. Перед ней, вокруг нее, над ней был лишь один-единственный, абсолютно реальный, плотью и кровью, неумолимый хищник. И эта мысль, как ни чудовищно это было, была одновременно самой страшной и самой странно успокаивающей мыслью на свете. Ее война с целым миром закончилась капитуляцией. Начиналась другая война – с ним. И она, сжимая дрожащие руки в кулаки и чувствуя, как ее предательское тело все еще помнит его прикосновение, понятия не имела, чего боится больше – того, чтобы проиграть эту войну, или того, чтобы в ней победить.

Глава 4. Гроза в стекле и стали

Прошло три дня. Три дня роскошного, оглушающего тишиной заточения. Три дня, в течение которых время растягивалось, как горячий шелк, обжигая ее своим бездействием. Арсений исчез, оставив ее на попечение безмолвной, почти прозрачной прислуги и всевидя-

щих, немых камер, чьи красные точки мерцали в потолочных панелях, как глаза демонов. Алису это не успокаивало. Это сводило с ума, доводя до исступления. Каждый час, проведенный в этой идеальной, стерильной, пахнущей кожей и деньгами ловушке, заставлял ее нервы натягиваться до предела, как струны арфы, готовые лопнуть от одного неверного прикосновения. Она изучила свое «гнездо» как загнанный зверь в клетке – безупречная сантехника из черного мрамора, гигантская кровать с бельем из египетского хлопка, вид на вечнозеленый, но безнадежно глухой лес, гардероб, ломящийся от шелков, кашемира и кожи, которые были ее новой униформой. И тишина. Всепоглощающая, давящая, звенящая тишина, которую нарушал лишь навязчивый шелест листьев за бронированным, непробиваемым стеклом.

Он появлялся лишь в ее мыслях, и это было хуже любого физического присутствия. Его образ преследовал ее днем и ночью: холодные, как зимний рассвет, серые глаза, властные, с длинными пальцами руки, которые она уже ощущала на своей коже, голос, низкий и обволакивающий, как бархатная петля, затягивающаяся на горле. Она ненавидела его. Лютой, жгучей ненавистью, от которой сводило скулы. Ненавидела за похищение, за унижение, за эту изощренную пытку неопределенностью. Но по ночам, в полудреме, когда защитные барьеры сознания ослабевали, ее собственное тело становилось предателем. Ей снились его прикосновения. Грубые. Собственнические. Исследующие. И она просыпалась с влажной от пота кожей, с тяжелым, стыдливым жаром между бедер и с горечью на губах, разъедающей ее изнутри.

На четвертый день гроза, настоящая, яростная, обрушилась на холмы. Небо потемнело до цвета синяка и расплавленного свинца, и первые тяжелые, как пули, капли дождя забарабанили по стеклянной крыше и панорамным окнам, заливая мир за стеклом стекающими потоками. Алиса стояла посреди гостиной, наблюдая, как ветер, словно невидимый великан, яростно гнет верхушки столетних сосен. Воздух в стерильном доме наэлектризовался, наполнился озоном и напряженным ожиданием. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела, каждой оголенной нервной оконечностью – приближение чего-то неминуемого, какой-то разрядки.

И он вошел.

Без стука, без предупреждения. Дверь в ее апартаменты бесшумно отъехала, и он заполнил собой весь проем, впуская с собой запах бури. Он был в черной, насквозь промокшей рубашке, темная ткань прилипла к мощному рельефу плеч, груди и бицепсов, вырисовывая каждый мускул, каждую напряженную вену. Волосы были взъерошены ветром, на его резких, высеченных скулах играл лихорадочный, нездоровый румянец. От него исходила дикая, необузданная, почти звериная энергия, сбивающая дыхание. Он сбросил на пол мокрый кожаный пиджак, от которого пахло дождем и дорогой кожей, и тот упал с глухим, влажным стуком.

– Довольна ли ты гостеприимством, Алиса? – его голос был низким, хриплым от непогоды и чего-то еще, какого-то внутреннего напряжения.

Она не ответила, лишь сжала кулаки за спиной так, что ногти впились в ладони. Страх и ярость, кружась в смертельном танце, заставляли кровь бешено стучать в висках и пульсировать в самой глубине ее живота.

Он медленно прошелся по комнате, его мокрые ботинки оставляли темные следы на идеальном мраморе. Его взгляд, тяжелый и горящий, скользнул по ее фигуре – она была в одном из его «подарков», коротком, темно-бордовом шелковом халате, под которым, она знала это, как и он, не было абсолютно ничего. Шелк обволакивал ее тело, скрывая и одновременно подчеркивая каждый изгиб, и от его знания ее наготы по коже бежали мурашки.

– Ты не использовала бассейн. Не посещала библиотеку. Ты просто... ждешь. – Он остановился напротив нее, его грудь вздымалась. – Какого черта ты ждешь? – в его привычно-ледяном тоне прозвучала нотка настоящего, живого раздражения, и это было ново и опасно. Его обычная, вселенская уверенность дала трещину, и из этой трещины било пламя.

– Я жду, когда мой тюремщик соизволит объявить условия моего заключения! – выпалила она, и голос ее прозвучал резко, почти дерзко, сорвавшись с губ от накопившегося напряжения.

Он резко, словно пружина, обернулся. Его глаза, цвета грозового неба, вспыхнули ослепительной молнией.

– Тюремщик? Я предложил тебе сделку. Защиту в обмен на лояльность!

– Лояльность? – она заставила себя рассмеяться, и звук вышел горьким и надтреснутым.

– Вы называете это лояльностью? Запереть меня здесь, как вещь на складе, заставлять меня носить вашу одежду и дрожать от каждого вашего шага!

Он шагнул к ней. Быстро. Опасно. Сократив расстояние между ними до нуля.

– Ты – моя вещь! – прорычал он, и его дыхание, горячее и влажное, обожгло ее лицо. – Ты сама это подписала, когда согласилась на сделку в той машине! Ты продалась, Алиса! Или ты уже забыла вкус своего страха в том переулке? Хочешь, я напомним?

Они стояли нос к носу. Она чувствовала исходящее от него тепло, запах дождя, кожи, пота и чего-то дикого, чисто мужского, отчего у нее перехватывало дыхание и подкашивались ноги. Ее грудь, обнаженная под шелком, вздымалась, прижимаясь к мокрой, холодной ткани его рубашки, и она ощущала жесткую мускулатуру его торса. Шелк халата скользил по ее коже, обманчиво нежный, напоминая о ее абсолютной наготе, о беззащитности перед этим человеком.

– Я тебя ненавижу, – прошипела она, вкладывая в эти слова всю свою ярость, все отчаяние, всю накопившуюся ядовитую страсть.

Уголок его рта дернулся в жестокой, торжествующей усмешке. Его рука молниеносно обвила ее талию, прижав ее к себе так плотно, что она почувствовала каждую мышцу его живота и жесткую пряжку его ремня.

– Ненависть – это честно. А я, как ты уже поняла, больше всего на свете ценю честность. И сейчас я почувствую ее на вкус.

Его рука молниеносно вцепилась в ее волосы у самого затылка, резко запрокидывая ее голову назад и заставляя вскрикнуть от внезапной, острой боли, смешанной с шокирующим возбуждением. Он не просто держал – он владел, контролируя каждое движение ее головы, притягивая ее лицо к своему с неумолимой силой.

– Ты ненавидишь меня? Хорошо. Покажи мне эту ненависть, – его горячее дыхание обжигало ее губы. – Докажи, что в тебе есть хоть что-то живое, кроме трусливого страха.

И его губы грубо, почти жестоко прижались к ее. Это не был поцелуй в привычном понимании. Это было насильственное проникновение, завоевание территории. Он кусал ее губы, заставляя их раскрыться с болезненным стоном, его язык немедленно захватил ее рот – властный, требовательный, не оставляющий пространства для сопротивления. Вкус его был терпким, как выдержанный коньяк, и опасным, как самый изощренный яд. Она пыталась оттолкнуть его, била кулаками по его мокрой от дождя груди, но он был несокрушим, как гранитная скала, и ее удары лишь заставляли его мышцы напрягаться сильнее.

Ее собственное тело поднимало мятеж против воли. Волна жара, горячая и предательская, накатила на нее, заставляя кровь пульсировать в самых сокровенных местах. Ненависть смешивалась с животным возбуждением, страх – с порочным, запретным любопытством. Ее колени подкосились, но он держал ее, его рука в ее волосах была железным обручем, не позволяющим упасть.

Он оторвался, его дыхание было тяжелым, грудь вздымалась. Глаза пылали темным, почти черным огнем желания и власти.

– Твое тело говорит мне правду, даже если твой язык продолжает лгать. Оно уже выбрало меня.

Одним резким, уверенным движением он сорвал с нее шелковый халат. Ткань соскользнула на пол бесшумным, стыдливым облаком. Она осталась стоять перед ним совершенно обнаженной, дрожа от ярости и стыда, но не опуская глаз, бросая ему вызов. Ее кожа покрылась мурашками, розовые соски напряглись и затвердели от холода и... от его всепоглощающего взгляда. Он смотрел на нее так, будто разглядывал свою законную добычу, оценивая каждую линию, каждый изгиб, каждую родинку.

– Вот кто ты теперь. Ничего. Только то, что я позволяю тебе быть, – прошептал он, и его пальцы медленно провели от ее ключицы вниз, к груди, заставляя ее содрогнуться. – Холст для моих желаний.

Он толкнул ее к массивному кожаному дивану. Она упала на прохладную кожу, и прежде, чем успела подняться, его тяжелое, мускулистое тело придавило ее, входя между ее раздвинутых бедер. Его руки сковали ее запястья, прижав их к дивану над головой в безжалостном захвате. Борьба была бессмысленна – его физическое превосходство было абсолютным, непрекаемым.

– Прекрати! – выкрикнула она, но в ее голосе была уже не чистая ярость, а отчаянная, слабая мольба, смешанная с непроизвольным возбуждением.

– Нет, – его губы прикоснулись к ее уху, язык обрисовал ее мочку, а голос был низким, горячим шепотом, который проникал прямо в мозг, в кровь, в самое нутро. – Ты прекратишь сопротивляться. Ты примешь это. Ты примешь меня. Всю мою силу, всю мою волю.

Его рот скользнул по ее шее, оставляя влажные, жгучие следы, которые потом обязательно превратятся в синяки – метки собственности. Зубы слегка сдавили нежную кожу на плече, и она вскрикнула – от боли, от шока, от невыносимого, стыдного возбуждения, заставлявшего ее бедра непроизвольно сжиматься. Он двигался ниже, его горячее дыхание обжигало кожу между грудей. Его губы и язык захватили один напряженный, болезненно чувствительный сосок. Он не ласкал его – он наказывал, заставляя ее выгибаться и стонать, ненавидя себя за каждый издаваемый звук, за каждую предательскую каплю влаги между ног.

Его свободная рука скользнула между ее раздвинутых бедер. Она инстинктивно сжала их, пытаясь закрыться, но его колено грубо, без церемоний раздвинуло их, открывая самую сокровенную часть ее тела для его вторжения.

– Не делай этого, – прошептала она, и по ее щеке покатились слеза – слеза бессилия, позора и непостижимого, извращенного наслаждения. – Пожалуйста...

Он посмотрел на нее сверху вниз. Его лицо было искажено гримасой темной, неконтролируемой страсти.

– Ты уже отдала мне на это право. Сейчас ты просто выполняешь условия нашего... контракта.

Его пальцы, сильные и уверенные, нашли ее горячее, влажное ядро. Он не стал входить в нее сразу – вместо этого начал медленно, методично водить вокруг клитора, заставляя ее бедра непроизвольно дергаться. Каждое прикосновение было одновременно пыткой и наслаждением, унижением и обещанием. Она пыталась сжать бедра сильнее, но его колено надежно фиксировало ее в раскрытой позе.

– Видишь? – он прошептал, его палец скользнул внутрь, всего на сантиметр, заставляя ее резко вдохнуть. – Твое тело принимает меня. Оно жаждет этого.

Два его пальца вошли в нее глубже, растягивая, заполняя. Боль смешивалась с неприличным, огненным удовольствием. Он двигал ими с медленной, неумолимой ритмичностью, каждый раз достигая какой-то невыносимо чувствительной точки внутри, от которой по всему телу разбегались электрические разряды. Ее стоны стали громче, менее контролируемыми. Она пыталась отвернуться, но его рука в ее волосах вернула ее лицо к себе.

– Смотри на меня, – приказал он хрипло. – Смотри, как ты отдаешься тому, кого ненавидишь.

Его пальцы вышли из нее, блестящие от ее собственной влаги. Он расстегнул ремень, брюки, и через мгновение его напряженный, тяжелый член прижался к ее влажному входу. Он был огромным, пугающим, и на секунду в ее глазах вспыхнул настоящий ужас.

– Это твоя реальность теперь, Алиса, – прошептал он, входя в нее одним резким, безжалостным толчком, заполняя ее полностью, заставляя вскрикнуть от шока и боли, смешанной с невероятным ощущением полноты. – Я – твоя реальность.

Он вошел в нее не как любовник, а как завоеватель, штурмующий последнюю крепость ее сопротивления. Его пальцы, все еще влажные от ее собственного предательского возбуждения, вонзились в ее бедра с такой силой, что наутро проступят синяки – фиолетовые тени его власти. Каждый толчок был точным, выверенным, лишенным всякой нежности, лишь демонстрирующим его абсолютный контроль над ее телом, над ее реакциями, над самой ее душой.

– Ты чувствуешь это? – его голос был низким, хриплым от напряжения, губы прижались к ее уху, зубы слегка сдавили мочку, заставляя ее вздрагивать. – Ты чувствуешь, как твое тело принимает меня, даже когда твой разум кричит 'нет'?

Он изменил угол, и новый, еще более интенсивный вихрь ощущений пронзил ее. Боль, острая и жгучая, смешалась с таким пронзительным, почти невыносимым удовольствием, что ее ногти впились в его плечи, оставляя на коже красные царапины. Она пыталась сомкнуть бедра, слабая попытка восстановить хоть каплю контроля, но его колени с легкостью удержали их раздвинутыми, демонстрируя всю тщетность ее сопротивления.

– Нет? – он усмехнулся, его глаза, темные и бездонные, пылали триумфом. – Твое тело говорит мне 'да'. Слушай его.

Одной рукой он схватил ее за оба запястья, с легкостью прижав их к дивану над головой. Его другая рука опустилась между их тел, и большой палец нашел ее клитор, набухший и невероятно чувствительный. Он начал водить им кругами – жестко, безжалостно, в такт своим толчкам. Двойная атака на ее чувства была невыносима. Волны удовольствия, горячие и тяжелые, накатывали одна за другой, каждая выше предыдущей.

– Перестань... бороться... с этим, – он произносил слова отрывисто, с каждым мощным движением бедер. – Кончи для меня. Покажи мне, что ты моя. Не на словах. Здесь.

Ее дыхание превратилось в прерывистые, хриплые вздохи. Глаза закатились, мир сузился до ощущений, которые он в ней вызывал – до боли, которая превращалась в наслаждение, до унижения, которое становилось освобождением. Она ненавидела его. Боже, как она ненавидела его в этот миг. Но ненависть была лишь еще одним видом страсти, самым горячим топливом.

– Я... я не могу... – прошептала она, ее тело напряглось, как струна, на грани разрыва.

– Можешь, – его голос прозвучал как приказ, обжигающий и безоговорочный. – И ты сделаешь это. Сейчас.

И он начал двигаться. Это не было любовью. Это была ярость, выплеснутая через тело. Каждый толчок был ударом, каждое движение – утверждением власти. Он держал ее бедра, контролируя ритм, глубину, все. Сначала она лишь лежала, принимая это, вся в слезах и боли. Но потом ее тело, предательское, отзывчивое тело, начало отвечать. Боль стала приглушенной, уступая место нарастающей, темной, всепоглощающей волне наслаждения. Она ненавидела его. Ненавидела себя. Но ее бедра сами начали двигаться навстречу ему, ее ноги обвились вокруг его талии, втягивая его глубже.

Он видел это. Видел, как ее сопротивление тает, как ее глаза затягиваются влажной дымкой удовольствия сквозь слезы. Его губы вновь нашли ее, и этот поцелуй был уже другим – все таким же властным, но теперь в нем была горькая победа и взаимное признание этой порочной связи.

Он ускорил движения пальца, давление стало почти болезненным, а толчки – еще более глубокими и властными. И ее сопротивление рухнуло. С громким, срывающимся криком, в котором было отчаяние, стыд и невероятное, сокрушительное освобождение, ее тело затряс-

лось в мощном, долгом оргазме. Спазмы ее внутренних мышц сжимали его, и она почувствовала, как он издает низкий, животный стон, его собственное тело напряглось в пиковом наслаждении. Он вогнал себя в нее до упора, и она почувствовала горячие пульсации его семени внутри себя – последний, самый глубокий знак его владения.

Чувствуя ее конвульсии, он издал низкий, гортанный стон и, с силой вдавив ее в диван, достиг своего пика. Она почувствовала внутри себя горячие толчки его семени, последнее меткое доказательство его владения.

Тишину нарушали лишь их тяжелые, прерывистые вздохи и завывание бури за стеклом. Он лежал на ней, его вес пригвождал ее к месту. Его лицо было укрыто в изгибе ее шеи, его дыхание обжигало кожу.

Он не двигался несколько долгих мгновений, его тяжелое тело прижимало ее к дивану, их кожа была слипшейся от пота, дыхание медленно выравнивалось. Затем он медленно поднялся, его член с тихим, влажным звуком вышел из нее. Он стоял над ней, его глаза, теперь снова холодные и оценивающие, скользили по ее разбитому телу: по запястьям с красными отметинами, по синякам на бедрах, по ее груди, которая все еще быстро вздымалась, по влажным, растерзанным волосам, прилипшим ко лбу.

Он наклонился, поднял с пола свой пиджак, его движения были такими же собранными и контролируемые, как и до всего этого. На пороге он обернулся.

– Спи, Алиса, – сказал он, и его голос был тихим, но он прозвучал громче любого крика. – Завтра ты начнешь учиться служить мне не только в этой постели. Но помни... – Его взгляд упал на синяк, уже проступающий на ее бедре. – ...все, что ты есть, начинается и заканчивается здесь. Со мной внутри тебя.

Дверь закрылась. Алиса лежала неподвижно, прислушиваясь к отзвукам бури внутри себя. Боль пульсировала в такт уходящему сердцебиению. Стыд жёг её изнутри. Но когда она провела дрожащей рукой по влажному, липкому от их смешанных соков лобку, а затем поднесла пальцы к лицу, вдыхая его мускусный, дикий запах, смешанный с её собственным, она поняла самую страшную правду.

Это было не осквернение. Это было перерождение. Он не просто тронул её тело. Он нашёл спрятанный выключатель в самой её душе, выключатель, о котором она не подозревала, и щёлкнул им. И теперь тёмный, порочный свет лился из неё, заливая всё внутри, и этот свет был окрашен в цвет его глаз. Она была его не по принуждению, а по праву открытия. И эта мысль была одновременно самой ужасной и самой возбуждающей, которую она когда-либо знала.

Глава 5. Тени Прошлого и Шепот Шелка

Тишина, воцарившаяся после бури, была тяжелой и густой, наполненной отзвуками только что отгремевшей битвы тел. Алиса лежала на прохладной коже дивана, прислушиваясь к эху собственного унижения, которое пульсировало в ней жгучими волнами. Каждая мышца ныла, каждая кость помнила вес его тела, его власть. На ее бледной коже, будто фиолетовые вихри на мраморе, цвели синяки – отметины его пальцев на бедрах, следы его зубов на внутренней стороне бедра, уязвимой и нежной. Но странным, пугающим образом острая, режущая боль постепенно уступала место глубокой, томной, пульсирующей чувственности. Она чувствовала каждую клеточку своего тела, каждый нерв, как будто он не просто взял ее, а переродил, заставив нервные окончания пылать осознанием самих себя, пробудив к жизни дремлющие, темные рецепторы. Между ног все еще сладостно ныло, и это ноющее, влажное тепло было постоянным напоминанием о его вторжении.

Она медленно поднялась, ее тело было тяжелым и разбитым, но странно живым, и, не глядя на засохшие пятна на коже дивана – немые свидетельства их битвы-соития, – направи-

лась в ванную. Струи горячей воды омыли ее кожу, смывая пот и запах его кожи, смешанный с ее собственным, но они не смогли смыть память. Память о его руках, сковывающих ее запястья, о его губах, обжигающих шею, о его могучем теле, входящем в нее с такой силой, что захватывало дух. Она смотрела на свое отражение в запотевшем зеркале, на смутный образ женщины с распущенными темными волосами и слишком яркими, почти лихорадочными глазами. В них уже не было чистого, животного страха. Была растерянность, глубокая, как омут. И – вызов. Крошечный, тлеющий уголек сопротивления, который он сам и разжег.

На следующее утро ее разбудил не мягкий свет из-за штор и не прислуга, а тихий, но отчетливый щелчок электронного замка. В комнату, как тень, вошел тот самый охранник – его правая рука, человек с лицом из гранита, которого она в мыслях уже прозвала Григорием. Его взгляд, холодный и пустой, скользнул по ней, лежащей в постели, не задерживаясь на открытых плечах или спутанных простынях.

– Вас ждут в кабинете хозяина. Через пятнадцать минут. Не опаздывайте.

Кабинет. Это было сердце его империи, святая святых, откуда он правил своим теневой королевством. И теперь он впускал ее туда.

Сердце Алисы учащенно забилося, но она кивнула с показным спокойствием. Она выбрала одно из предложенных платьев – темно-синее, из тяжелого, струящегося шелка, сшитое по фигуре. Оно имело высокий, почти аскетичный воротник, который, однако, не скрывал темно-лиловый синяк на ключице – свежий, еще пульсирующий. Это было молчаливое признание, клеймо, выставленное напоказ. Она не стала маскировать его тональным кремом. Пусть видит.

Кабинет Арсения поразил ее с первой же секунды. Он был таким же, как и он сам: безупречным, мощным, дышащим холодной роскошью и содержащим скрытые угрозы. Стены были обшиты панелями из темного, почти черного полированного дуба, в которых отражался тусклый свет. Пол – идеально отполированный черный мрамор, холодный под босыми ногами, на который она вступила, чувствуя себя жрицей в храме неведомого божества. Огромный стол, вырезанный из цельного куба матового черного дерева, стоял как алтарь в центре комнаты. За ним – панорамное окно во всю стену, открывающее вид на опушку леса, где утренний солнечный свет пробивался сквозь клочья тумана, создавая мистическое, почти нереальное зрелище. Воздух был густым и насыщенным – пахло старой кожей дорогих кресел, воцеленным деревом, кофе и едва уловимой, но неизбывной ноткой его парфюма, смешанной теперь со сладковатым ароматом сигарного дыма.

Арсений стоял у окна, спиной к ней, погруженный в созерцание просыпающегося леса. Он был в идеально сидящих темных брюках и белой рубашке из тончайшего батиста, закатанной до локтей, открывающей сильные, жилистые предплечья с проступающими под кожей венами – те самые руки, что так недавно держали ее в плену. На нем не было пиджака, и тонкая ткань рубашки плотно облегла широкий плечевой пояс, вырисовывая каждый мускул спины. Он выглядел сосредоточенным, почти мирным, но в его расслабленной позе чувствовалась та же сдержанная, пружинящая энергия, что и перед началом вчерашней грозы.

– Садись, – сказал он, не оборачиваясь. Его голос, низкий и властный, заполнил тишину кабинета.

Она молча подошла и опустилась в низкое кожаное кресло перед его столом. Оно было нарочито низким, заставляя ее смотреть на него снизу вверх, когда он наконец медленно повернулся к ней.

Его взгляд, тяжелый и сканирующий, скользнул по ней, оценивающий каждый сантиметр: от мокрых после душа волос, собранных в тугой узел, до платья, облегающего ее грудь и бедра, до ее босых ног. Он заметил синяк на ключице. В его глазах, серых и пронзительных, мелькнуло нечто – не сожаление и не сочувствие, а скорее темное, безмолвное удовлетворение. Молчаливое «мое», прочитанное ею без слов.

– Ты выпалась? – его голос был ровным, деловым, будто они обсуждали погоду.

– Как подобается вещи, у которой нет собственной воли, – ответила она, и в ее собственном тоне прозвучала неожиданная для нее самой твердость, отточенная, как лезвие. – Сон был глубоким и безмятежным, как у мебели.

Его губы тронула легкая, почти невидимая тень улыбки.

– Хорошо. Готовность кусаться, даже будучи прижатой к стене, – полезное качество. Оно означает, что ты еще жива. А мертвые мне неинтересны.

Он неторопливо подошел к столу и сел в свое массивное кресло напротив нее, его взгляд стал тяжелым, пристальным, пронизывающим.

– Теперь поговорим о работе. Ты не думала, что я буду содержать тебя здесь, в этой золотой клетке, только для постельных утех? Ты обходишься слишком дорого для простой любовницы.

Он повернул к ней свой ноутбук, и на матовом экране ожили сложные схемы, извилистые графики, запутанные финансовые потоки, напоминающие паутину.

– Твой бывший покровитель, Леонид Громов. Он не просто хочет тебя найти и убить, чтобы замять следы. Он оказался хитрее. Он использует твоё имя, твою репутацию «дурочки-воротилы», как козла отпущения, чтобы вывести из компании ещё большие суммы, спрятав их в офшорных лабиринтах. – Он ткнул длинным, ухоженным пальцем в одну из строк на экране. – Вот. Здесь твоя изящная, такая узнаваемая подпись стоит под фиктивными контрактами на сумму, вдвое превышающую ту, в растрате которой тебя официально обвиняют. Он не просто подставил тебя, Алиса. Он сделал тебя вечным громоотводом, пока сам продолжает грабить свою же фирму. Каждая копейка, которую он выводит, ложится новым кирпичом в стену твоей будущей тюремной камеры. Или могилы.

Кровь ударила Алисе в виски, заставив мир на мгновение поплыть перед глазами. Она смотрела на экран, на эти бесконечные колонки цифр и свои собственные, будто бы вырванные из контекста жизни, подписи. Леонид не просто желал ее смерти. Он методично стирал ее существование, превращая в прах ее репутацию, ее профессиональное наследие, все, что она так тщательно выстраивала годами. Это было похлеще пули – это было посмертное надругательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.